

Несмотря на то, что сейчас они оба сражались на равных, словно их силы были равны, если бы они не проиграли так сокрушительно ранее, они бы, возможно, поверили этому на один-два процента.

Поэтому все в Удане прекрасно понимали, что Чжи Гэ, несомненно, уступал.

Ученики Удана не хотели признавать этого, но разница в отношении была слишком очевидной.

Почему же они не удостоились такого же отношения?

Для тех, кто проиграл с таким разгромом, наблюдать, как Чжи Гэ продолжает сражаться с Чэнь Циньцином, было мучительно. Они даже хотели подбежать к Чжи Гэ, встряхнуть его и заставить относиться ко всем одинаково.

Если так пойдет и дальше, лицо Чэнь Циньцина будет спасено, но они сами будут выглядеть жалко.

Сердце устало.

Даже глава секты Удан, который изначально хотел, чтобы Чэнь Циньцин сразился с Чжи Гэ, снова погрузился в молчание, не зная, стоит ли ему остановить поединок.

Он чувствовал, что Чжи Гэ не победит Чэнь Циньцина и не сдастся первым, а значит, они могут продолжать сражаться до бесконечности.

В итоге Чэнь Циньцин внезапно остановился и сказал:

— Я сдаюсь.

Чжи Гэ посмотрел на меч, опущенный в руке Чэнь Циньцина, и в его сердце возникло странное чувство сожаления. Он действительно хотел продолжить сражаться с Чэнь Циньцином.

Потому что он заметил, что Чэнь Циньцин красиво владеет мечом, и хотел увидеть это еще раз.

Однако Чжи Гэ быстро отбросил это сожаление, потому что, хотя сейчас он не мог увидеть это, в будущем такая возможность еще представится.

Он мог тренироваться с Чэнь Циньцином!

Более того, он понял, что Чэнь Циньцин — талантливый ученик! Просто из-за упадка древних боевых искусств в современном мире он был недооценен.

То, что Чэнь Циньцин достиг такого уровня, уже доказывает его исключительность.

Поэтому Чжи Гэ подошел к сдавшемуся Чэнь Циньцину и утешил его:

— Ты великолепен, здесь ты самый сильный, и я верю, что в будущем ты станешь еще сильнее.

Ученики Удана: [...]

Ученики Удана, наблюдая, как Чжи Гэ непрерывно подбадривает Чэнь Циньцина, оставались равнодушными.

Оказывается, после поединка есть еще и такая услуга? Они об этом даже не знали!

Разница в отношении была уже слишком явной.

Даже если Чэнь Циньцин познакомился с ним раньше них, но так открыто выделять его перед ними — это правильно?

Только что он был холоден и безжалостен, а теперь превратился в теплого и заботливого юношу.

Они начнут думать, что у него раздвоение личности!

Даже глава Удана слегка кашлянул, не в силах больше смотреть на это.

Чэнь Циньцин подошел к главе секты, поклонился и вернулся на свое место.

Когда Чэнь Циньцин занял свое место, взгляды его братьев по секте на него изменились.

Словно между Чэнь Циньцином и Чжи Гэ произошла какая-то нечестная сделка.

Чэнь Циньцин, естественно, проигнорировал их взгляды, его выражение лица осталось прежним.

Взгляд Чжи Гэ медленно перешел с Чэнь Циньцина на главу секты, и он спросил:

— Глава, вы хотите сразиться со мной?

Как только Чжи Гэ произнес эти слова, взгляды учеников Удана тут же устремились на их главу.

Глава секты посмотрел на Чжи Гэ, его взгляд был сложным. На этом этапе ему уже не нужно было сражаться с Чжи Гэ, потому что исход был предрешен.

Однако, как и ранее, когда он отправил Чэнь Циньцина, чтобы тот сам почувствовал, насколько силен Чжи Гэ, он, как глава Удана, также хотел лично испытать, насколько могущественен Чжи Гэ.

Поэтому, под взглядами своих учеников, глава Удана медленно поднялся.

Чэнь Циньцин вовремя подал ему меч, глава секты взял его и сказал:

— Тогда попробуем.

Чжи Гэ кивнул, и начался новый поединок с главой секты.

Видимо, учитывая, что глава Удана уже в годах и его тело не такое крепкое, как у обычного человека, Чжи Гэ не стал применять слишком сильные удары, чаще всего останавливаясь на полпути. Однако всем было ясно, что если бы этот удар достиг главы секты, тот бы уже проиграл.

Но Чжи Гэ этого не сделал, продолжая обмениваться ударами с главой Удана.

Это вызвало немалое уважение как у учеников, которые уже проиграли Чжи Гэ, так и у тех, кто сейчас сражался с ним.

Ведь с момента прибытия на гору и до этого момента Чжи Гэ не проявлял особой агрессии.

Не говоря уже о том, что его сила действительно велика, он мог бы быть высокомерным и надменным, и это было бы оправдано.

Ведь именно такая сила была его уверенностью.

Но Чжи Гэ не был таким.

Внезапно Чжи Гэ сказал:

— Осторожно.

В следующий момент его свободные движения изменились, и он начал использовать тайцзицюань их секты.

Используя мягкость против жесткости, Чжи Гэ подтолкнул руку главы Удана и отбросил его.

Глава секты отступил на несколько шагов, и его быстро поддержали подбежавшие ученики.

Их взгляды на Чжи Гэ стали удивленными.

Настоящий тайцзицюань, конечно, отличался от того, что распространялся в интернете для оздоровления. Это было настоящее боевое искусство, которое можно было использовать в поединках.

Постичь суть тайцзицюань Удана было очень сложно.

Но Чжи Гэ сделал это с легкостью и одним ударом победил главу секты, который посвятил всю свою жизнь изучению тайцзицюань.

Что это было?

Глава Удана также не мог понять:

— Ты...

Чжи Гэ завершил движение и обратился к ученикам Удана:

— Как вам этот прием?

Глава секты выглядел сложно, долго смотря на Чжи Гэ, не говоря ни слова.

Наконец, он спросил:

— Что ты вообще хочешь?

Чжи Гэ:

— Я хочу взглянуть на ваши техники и внутренние практики.

Ученики Удана замерли, на их лицах появилось недовольство.

Сейчас боевые искусства в упадке, но техники и внутренние практики никогда не передаются посторонним. Даже тайцзицюань, который сейчас распространен в мире, — это лишь малая часть, которая помогает укрепить здоровье.

Чжи Гэ объяснил:

— Я просто хочу посмотреть, чтобы убедиться, что ваши техники полны.

Юй Чи удивился:

— Как ты можешь знать, полны ли наши техники?

Чжи Гэ посмотрел на Юй Чи и кивнул:

— Да, могу.

Чэнь Циньцин повернулся к главе секты и сказал:

— Глава, я думаю, можно показать ему.

Глава Удана посмотрел на Чэнь Циньцина, не говоря ни слова, явно все еще сомневаясь.

Ведь это было наследие их секты, а Чжи Гэ был всего лишь посторонним.

Чжи Гэ понял опасения главы секты и добавил:

— Я не собираюсь красть ваши техники и практики. Я просто хочу проверить, правильны ли они, и, если что-то упущено, я могу исправить и дополнить.

Ученики Удана смотрели на Чжи Гэ, еще больше запутавшись.

Чжи Гэ указал на свою голову:

— У меня здесь хранятся все техники и внутренние практики всех сект.

Ученики Удана замерли.

Чжи Гэ опустил руку и устремил взгляд на главу секты:

— Вы только что спросили, чего я хочу?

Глава Удана сложно кивнул:

— Да.

Глаза Чжи Гэ загорелись, и он твердо произнес:

— Я хочу возродить древние боевые искусства!

Ученики Удана: [...]

Это заявление также стало для них неожиданностью.

Для них это звучало так, как если бы кто-то сказал им в лицо, что хочет спасти Землю.

И его выражение лица, его тон явно говорили о том, что он серьезен.

Даже Чэнь Циньцин отвел взгляд. Хотя он всегда знал, что это была цель Чжи Гэ и Нелегальной системы древних боевых искусств, но услышать это желание прямо из его уст

было немного... странно.

Чжи Гэ, видя сложные выражения на лицах учеников Удана, которые совсем не разделяли его энтузиазма, спросил:

— Разве вы не хотите, чтобы древние боевые искусства снова вернулись в мир?

— Ты... — начал глава Удана, но не закончил.

Ему было немного жалко рассказывать этому юноше с большими мечтами о современной реальности.

Возродить древние боевые искусства было так же сложно, как мечтать о невозможном.

Они лишь изо всех сил старались сохранить последние остатки этого наследия.

В конце концов, Чэнь Циньцин сказал Чжи Гэ:

— Ты знаешь, с чем придется столкнуться при возрождении древних боевых искусств?

Чжи Гэ посмотрел на него и кивнул:

— Да, знаю.

Чэнь Циньцин:

— Если ты знаешь, то разве ты не боишься, что потратишь всю свою жизнь, но так и не достигнешь этой цели?

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16138/1445266>